

Шевельнулась гдѣ-то въ глубинѣ души тѣнь сожалѣнія, но навстрѣчу встало другое, созданное творческимъ усиленіемъ чувство, и оно сказало:

„Не послать письма теперь невозможно“.

И это была правда. Для того, чтобы вернуть старое, нужно было-бы продвѣлать вновь всю работу самосозиданія: только такимъ же творческимъ, полнымъ непоколебимой вѣры усиленіемъ можно было-бы возвратитъ къ жизни уничтоженное чувство.

Черезъ полчаса Орловъ получилъ отвѣтъ безъ подписи:

„Больной, сумасшедшій человекъ! Ненавижу часъ, когда познакомилась съ вами! Увѣжаю. Никогда больше не увидимся“.

(Конецъ 2-й части).

(Продолженіе въ слѣд. №).

Г. Магнитскій.

Сибирскій дѣдъ.

(Посвящается Григорію Николаевичу Потанину).

I.

По селамъ слухъ прошелъ: австрійцевъ на покой изъ города гонять, австрійковъ.

Кто такіе эти самые австрійки—никто путемъ не зналъ. Хотя въ городахъ крестьяне видали ихъ частенько: народъ, кажется, чистый, тихій, ничего народъ. Но это въ городѣ. А запусти-ка его въ деревню, еще неизвѣстно, какимъ онъ тамъ себя окажетъ. Вдругъ бунтъ подниметъ, вдругъ краснаго пѣтуха пустить, али дѣвокъ да солдатокъ мутить начнетъ.

Дѣдушка Провъ—настоящій сибирскій кедръ, мужикъ самосильный, всей семьѣ глава. Онъ крѣпко постановилъ въ своемъ сердцѣ: этому не быть, ни австрійка погананаго, ни другого басурманина онъ къ себѣ не пустить.

И всѣ объ этомъ по селу знали и словамъ Прова вѣрили:

— У нашего Прова Силыча слово—олово.

Пришелъ къ Прову староста:

— Такъ что, дѣдушка, плѣннаго тебѣ... Какъ хошь...

— А это видѣлъ?!—крикнулъ дѣдъ и настаивилъ старостѣ кукишь.

Пріѣхалъ урядникъ списки составлять:

— Ну, Провъ, принимай австрійца...

— Да ты въ умѣ, твое благородіе!.. Да ты смалѣлъ!

— Законъ. Ничего не попишешь: у тебя хата большая.

— Врешь, твое благородіе!.. Этому не быть!..

Потацили Прова на отсидку, на три дня въ каталажку заперли, авось прохладится тамъ, другія мысли въ голову вступать.

Сидитъ дѣдъ за рѣшеткой, не сдается:

— А что такое — каталага?.. Да мы ее, ма-тушку, всей деревней ладили... И моихъ, поди, бревна три есть: да я тутъ, какъ у себя на печкѣ, полный, можно сказать, хозяинъ... Знай—сиди...

Въ другой разъ пріѣхалъ господинъ урядникъ:

— Ну, какъ? Согласенъ?

— Кто? Я?! — сверкнулъ глазами Провъ,

опетинился весь, на лысинѣ испарина выступила.

— Я въ своей избѣ царь и Богъ... Не жалаю!..

Урядникъ кашланулъ въ рукавъ, покрутилъ лѣвый усъ:

— А ежели въ тюрьму за такіе поступки...

— Хоть въ каторгу! — сжалъ кулакъ Провъ и грохнулъ по столу.

Урядникъ сгрѣбъ портфель, надѣлъ задомъ напередъ папаху и, засвиставъ простуженнымъ носомъ, юркнулъ на улицу.

Все село ахнуло, узнавъ про дѣдовъ разговоръ.

— Ха! Молодца дѣдка. Воевать могатъ...

— Гляди, паря, какой упорный.. А?..

А тѣмъ временемъ австрійцевъ на село пригнали: кому одного, кому двухъ поставили.

Пришелъ къ Прову священникъ, сталъ его упрашивать. Пришли къ Прову сосѣди, товарищи, просятъ Прова:

— Да што ты, на самомъ-то дѣлѣ... Что ты, Богъ съ тобой...

Провъ долго молчалъ. Сидитъ, пыхтитъ, сѣдую бородищу потеревливаетъ.

А возлѣ него внучка увивается, черноглазая Дунька: и такъ и этакъ зайдетъ, все наровитъ поймать дѣдовъ взоръ.

Какъ брызнетъ на нее дѣдъ глазами, защитало морозомъ пятки у босоногой Дуньшки. Однако, захлебнувшись, она пропищала, прижимаясь къ дѣду:

— Дѣдушка... А дѣшка... Ддушка...

— Ну?

— Прими стріяка... Прими...

— Пшл!.. — ожегъ ее дѣдъ, но тотчасъ же улыкнулся.

А какъ улыкнулся, махнулъ рукой:

— Ну, вотъ што, хрещеные... Такъ и быть... Давайте мнѣ его, собаку...

Все село, узнавши, ухмыльнулось:

— Ага, Провъ... На попятъ пошелъ... Хе-хе...

II.

Пришелъ австріецъ: на правомъ боку сумка черезъ плечо, у сумки — чайничекъ болтается,

на лѣвой сторонѣ — желтые полусапожки. Ничего, собой чистый, краснощекий, шапка съ мѣдной пуговой.

Пришелъ, пролопоталъ по-своему, поклонился дѣду:

— Убирайся къ чорту... Язви-тя... — отвернувшись, сплюнулъ дѣдъ.

Семья у дѣда большая: старуха, двѣ солдатки, дѣвка, да пятеро внучатъ.

Спать легли рано: нечего зря керосинъ изводить. Поужинали, чайку хлебнули власть и на боковую.

Австрийца дѣдъ къ столу не допустилъ.

— Пускай у порога жретъ...

Австриецъ покушалъ на сундучкѣ хлѣба, чаю кружку подали, выпилъ, творожку бабка подсунула — съѣлъ.

Лежить дѣдъ на полу на шубѣ и все брюзжитъ, всѣхъ на свѣтѣ лаеетъ: и господина урядника, и батюшку, и кума, а пуще всѣхъ — австрийца.

— Халера-бы его задавила... Язви его въ хвостъ... Ище упретъ чего-нибудь, анафима.

И все брюзжитъ, все брюзжитъ. А то себя начнетъ чистить:

— Старый песь... Запустилъ-таки, жабу... Обогрѣлъ... Они, дьяволы, сыновъ нашихъ убиваютъ, а ихъ тутъ чаями-сахарами... У-у, пропастана...

Австриецъ у печки лежитъ, шинелишку свою подкинулъ, молчитъ, о чемъ-то думаетъ. О чемъ австрийцу думать? О томъ, какъ-бы къ солдаткамъ пробраться, какъ-бы коня угнать, какъ-бы дѣду башку топоромъ оттяпать, да изъ сундука мощну стануть.

Дѣдъ къ сундуку крѣпко плечемъ прижался, въ головы топоръ положилъ, боится глаза сомкнуть.

— Старуха! Зажи-ка лампу: пусть горитъ...

На австрияка смотритъ. Тотъ смирно лежитъ, думаетъ, глаза открыты. О чемъ онъ думаетъ? О вишневыхъ садахъ своихъ думаетъ, о женѣ, о сынѣ... Эхъ, скрипицу-бы сюда... Выграть-бы на скрипцѣ пѣсню... Вдохнулъ австриякъ...

„Ишь ты... Вдохнулъ...“ — думаетъ дѣдъ.

Богется дѣдъ съ дремой, плечемъ еще крѣпче на сундукъ навалился, топоръ нащупалъ: тутъ, острый...

— Вы!.. Чего ржете? Чего бѣса тѣшите? Дрыхни!..

Присмирѣли солдатки.

— Это Дунька... Чикочется...

— А вотъ уж-ко я ее...

Всталъ дѣдъ, подбросилъ въ желѣзную печь дровишекъ, жарко въ избѣ сдѣлалось.

— Нѣтъ, его, варнака, въ хлѣвъ-бы, къ баранамъ-бы... А то, ишь-ты, развалился... Брахло такое...

Разомлѣлъ дѣдъ въ теплѣ, уснулъ. И приснился ему сонъ страшный: будто боровъ носъ ему откусилъ, будто подошелъ къ дѣду, хрюкнулъ, да какъ цапнетъ за носъ.

— Горимъ!..

— Ково?! — вскочилъ дѣдъ и схватился за топоръ.

Старуха лампочку подкручиваетъ:

— Зря горитъ...

Старикъ перевелъ духъ, перекрестился, легъ и уснулъ крѣпко.

III.

Утромъ ни свѣтъ, ни заря пробудился Провъ. Ставни скрипятъ, вѣтеръ подъ крышей воетъ. „Буранъ...“ — думаетъ дѣдъ.

Старуха печь топить собирается. Трехшерстный котиче объ австрийца трется, хвостъ трубой, мурлычетъ, пѣсни ему напѣваетъ, ластится.

Австриецъ за ухомъ ему щекочетъ, оглаживаетъ, а коту любо.

— Буранъ, — говоритъ дѣдъ старухѣ. — ишь какъ воетъ, ишь выкручиваетъ...

Солдатка еле ставни открыла, до полъ-оконъ снѣгу насыпало, страсть.

— Надо за сѣномъ собираться... — кричатъ дѣдъ.

Австриецъ живо встрепенулся, валенки съ печи достаетъ, полшубокъ хозяйскій надѣваетъ, рукавицы ищетъ...

— Эй, ты!.. Голова — два уха!.. — взревѣлъ дѣдъ. — Ты куда это, супостатъ, а?! Скидывай!..

Австриецъ остановился, какъ вкопанный, трубку изъ рта выхватилъ:

— Сѣно... ѣхай... туда...

— Какое сѣно? — разинувъ ротъ, приподнялся Провъ съ шубы. — Самъ поѣду...

— Ты старій... борода... сѣдой... ты на печку лѣзь... Спай...

Дѣдъ окаменѣлъ.

— Да, вѣдъ, тебѣ не найти...

— Мальца посылай... Кажеться...

Дѣдъ призадумался, на австрияка во всѣ глаза смотритъ. Лицо у австрияка румяное, лукавства во взглядѣ нѣтъ.

— Эй, Миска! — крикнулъ дѣдъ внуку. — Оболокайся живчикомъ... Айда съ австриякомъ...

Умылся дѣдъ, Богу сталъ молиться.

„Господи, спаси помилуй... Тоже поѣхалъ... Рабо-о-тничекъ. Ха... Ище парнишку-то тамъ... какъ-бы... Воже, милостивый буди намъ, грѣшнымъ... Соббачья шерсть... Алилуй, алилуй, Господи“.

Помолившись, Провъ перетрясъ всѣ доспѣхи плѣннаго, сумку вывернулъ:

— Храни Богъ, ножа нѣтъ-ли... Али пистолета... Кни-и жица...

Онъ поднялъ маленькую, въ переплетѣ, книжку.

— Эй, бабка... Глянь-ка... Богородица это, што-ли, сресована?

— Она... Стало быть, Она Матушка...

— Да-а... — удивленно протянулъ Провъ, — ишь ты... — и все аккуратно сложилъ въ сумку.

Еще печь не протопилась, заскрипѣлъ подъ окнами снѣгъ.

Дунька давно австрійца у окна караулить, продушила въ стеклѣ глазокъ.

Стрѣлякъ ѣдетъ.. Возъ везеть... Гли-косъ, дѣда, гли-косъ!..

Дѣдъ поперхнулся чаемъ и закашлялся.

Австрѣецъ, весь запорошенный снѣгомъ, вошелъ въ избу. Провъ, далеко вытянувъ лѣвую ногу и подбоченившись, позвалъ:

— Эй, служба... Какъ имя твое? Кличка-то?

— Вацлавъ.

— Ну, Асафъ такъ Асафъ... Залазь-ка, Асафъ, за столъ, садись чай пить... Дай-ка ему, бабка, штей...

За день Вацлавъ воды бабамъ натаскалъ, дровъ накололъ, снѣгъ расчистилъ...

— Отъ, песь... Какой горячій... А?..—брюзжалъ все время дѣдъ, ухмыляясь въ бороду.

Провъ спать легъ безъ топора, а утромъ всталъ поповже.

— А гдѣ стрѣлякъ?

— По дрова уѣхалъ...

— Ха!.. Чисто камедь...—улыбнулся дѣдъ и сладко позѣвнулъ.

За обѣдомъ Вацлавъ много рассказывалъ ломанымъ своимъ языкомъ. Провъ, плохо понимая его рѣчь, поддакивалъ:

— А ты лупи пуце кашу-то... Не робѣй...

На третій день не утерпѣлъ дѣдъ: досталъ изъ сундука деньги, пошпентался съ бабкой и направился задами къ торговому человѣку.

— Отмѣрь-ка ты мнѣ, сдѣлай милость, двухъ сортовъ ситцу... съ разводами... на пару рубахъ... А на третью—кумачу...

Отмѣрялъ торговый человѣкъ.

— Покажь-ка ты мнѣ на штаны сукнишка... Дѣло... Отмѣрь, что полагается...

Съ удовольствіемъ отмѣрялъ торговый.

— Ну, теперича опояску давай... Шапку давай.

— Это кому-жь, Провъ Силычъ?—ослабился торговый человѣкъ...

— А надо.. Кому придется...—улыбнулся дѣдъ.

Принесъ домой. Похлопалъ по плечу австрійца:

— На, Асафъ, получай... Потому какъ ты очень сердитый на работу, дороже ты мнѣ всего... Эй, женски!.. Качай ему всю амуницію...

Австрѣецъ широко улыбаясь, теръ рукой переносицу и отъ удовольствія усиленно сошѣлъ.

— А вотъ, уже сучку пестренькую удавимъ, дакъ.. я тебѣ рукавицы справлю... Ничо... Живи со Христомъ,—сказалъ Провъ и еще разъ потрепалъ Вацлава по плечу.

Вяч. Шишковъ.

Степные вороны.

I.

По степи носился вѣтеръ, буйный, многокрылый сухой. Онъ леталъ съ холма на холмъ, нырялъ въ лощины, заметалъ сухую пыль солончаковъ, свивалъ изъ нея высокіе винтообразные столбы и пускалъ ихъ по холмистому простору съ сѣвера на югъ... Потомъ опять взвивался на холмы круглые, тупые, какъ приплюснутыя юрты, ласкалъ остатки ковылей, поглаживая ихъ мягкими крылами, и снова съ озорствомъ бездѣльника, бушуя, неся дальше по степи, туда, гдѣ на яру пересохшаго ключа раскинулся убогій аулъ Крыкпая.

На темно-сѣрой выжженной степи старыхъ прокопченныхъ юртъ почти не видно. Но хорошо видны разсѣвшіяся близъ аула, какъ черные грачи, остроголовыя могилы. Ихъ было много здѣсь, онѣ разрушились, плотно сплющились, припавъ къ землѣ и ревниво сберегая кости тѣхъ, о комъ давно забыли. Только самая большая, похожая на опрокинутый котелъ, сдѣланная изъ камней и глины, стоитъ упорно, долъше всѣхъ, и напрасно буйно-крылый вѣтеръ, налетая, грозитъ уронить ее: она врасла краями въ землю и, полуженная дождями, затвердѣла.

Только промытая дождемъ и провалившаяся верхушка, пропускающая вѣтеръ внутрь могилы, стонетъ жалобно и злобно.

И когда стонеть, воеетъ старая могила, Крыкпай, владѣлецъ самой ближней юрты, старый, сѣдой киргизъ съ жуткимъ суевѣріемъ шепчетъ самъ себѣ:

— Бекбулатъ сердится. Ой, Аллахъ, Аллахъ!..

Ханъ Бекбулатъ давно схороненъ, когда еще Крыкпая не было на свѣтѣ, но власть его жива въ сердцахъ киргизовъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ грознѣе нарастаетъ гнѣвъ хана Бекбулата, потому что нѣтъ ему достойныхъ, не осталось. Даже самъ Крыкпай, старѣйшій патриархъ въ аулѣ, и тотъ сталъ забывать Аллаха...

Когда въ погожій день онъ грѣется на солнцѣ или бродитъ по степи за стадомъ барановъ, а по землѣ промчится тѣнь огромнаго, невидимо парящаго вверху, орла, Крыкпай дрожитъ отъ страха и скорбно молить душу Бекбулата не убивать его.

Орель, летавшій въ высотѣ, не разъ садился на могилу хана и терзалъ добычу. Крыкпай видалъ его и увѣренно всѣмъ говорилъ, что это ханская душа, безсмертная и выдающая все, что дѣлаютъ киргизы. А киргизы худо дѣлаютъ. Много дѣлаютъ грѣха потомки Бекбулата. Зато Аллахъ и строгъ къ нимъ: насылаетъ „джуты“¹⁾ и засухи, разныя болѣзни насылаетъ. Русскихъ насылаетъ...

¹⁾ Джуть—гололедница.